

ДЕНЬ СУРКОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Александр Лебедев

18+

Александр Лебедев
День Суркова

«Автор»

2026

Лебедев А.

День Суркова / А. Лебедев — «Автор», 2026

Игорь Сурков - обычный программист из девяностых, и схема простая: берём «Национальную лотерею», щепотку временных парадоксов, немного потомков из будущего (за небольшую комиссию, разумеется) и хорошенько всё это взбалтываем с водкой — для точности расчётов. Прибыль гарантирована! Прибыль действительно была. Как, впрочем, и внимание «Комитета» — организации, которая почему-то не оценила предприимчивость гражданина Суркова. А наказание за преступления против времени, как выясняется, назначают не по УК РСФСР. Колыма — это ещё цветочки. Ягодки — это Ад. Настоящий, вечный, с прожаркой. Но переживает ли советский программист по этому поводу? Ничуть. Потому что для Суркова Ад — это просто ещё одна бюрократическая система. А там, где есть система — там есть, что взломать, кого обойти и куда дослужиться. Цель ясна: карьерный рост из чертей в ангелы. А если повезёт — и вовсе вернуться на грешную землю, желательно с повышением.

© Лебедев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александр Лебедев

День Суркова

Глава 1

Не важно, куда я попаду
после смерти, — Ад это будет
или Рай. И там, и там
у меня есть друзья.
Марк Твен

Семеро крепких ребят дубасили оранжевыми касками о Васильевский спуск. Занятие это им давно наскучило, и они стучались в булыжник исключительно для приличия. Несмотря на это, проходивший мимо мужчина заинтересованно присел на корточки.

— Слышь, парень, — не выдержал самый молодой, — отвали, а?

— А вы, ребята, шахтеры? Я ничего не перепутал? — спросил мужчина, не замечая предыдущей реплики.

— Шахтеры. Отвали.

— «Отвали» — это что? Пароль такой? А я что должен ответить?

— Не кажется ли вам, господин хороший, — вставая, сказал старый шахтер, — что вы задаете слишком много вопросов?

— Я любопытный, — растянул мужчина.

— Зато мы не лезем в чужие дела.

— Меня это устраивает. И было бы очень хорошо, если бы среди вас нашлись профессионалы.

— Все здесь профессионалы.

— Политики? — не поверил мужчина.

— Шахтеры.

— Тогда самое время познакомиться. Меня зовут Савелий Отморозов, я — коммерсант. Шахтеры недоуменно переглянулись.

— И что из этого?

— Есть работенка, но только, если у вас кишка не тонка.

— Какого рода?

— Под землей... Скажем, метрах на трехстах.

— Постоянная?

— Разовая.

— Не пойдет.

Отморозов достал из кармана розовый мелок и, как позволил булыжник, написал трехзначное число:

— Это за день работы... В долларах... И каждому...

Шахтеры заерзали, косились на старшего, но дружно молчали. Тот, который говорил с Отморозовым, напряженно думал. По его лицу блуждало сомнение, а на лбу вздулась синяя вена.

— Я понимаю, — нарушил молчание Отморозов, — сидеть здесь куда безопаснее. И, может быть, долги по заработной плате погасят. Может, кому-то ваш стук надоест...

— Мы не можем уйти, — сказал шахтер, — это наше решение.

Остальные закивали.

— Это хорошо, — похвалил Отморозов. — Хорошо, что вы работаете командой, и хорошо, что среди вас есть лидер. Но я вам вот что скажу: каждый должен заниматься своим делом. Шахтер должен спускаться в забой, а политику должны делать политики. И чтобы это не были только слова — попробую показать.

Он достал маленький телефон и, откинув табло, сказал несколько слов.

Минуту спустя возле пикета остановилась пара белых микроавтобусов с надписью «Мосфильм». Из них высыпала людская масса, представлявшая собой смесь униформы и телеаппаратуры. Очень скоро масса организовалась в две шеренги: шахтеров и журналистов. Они стояли лицом к лицу и ожидали команды Отморозова.

— Начинайте, — разрешил тот. — Прошу вас.

В руках журналистов запищали видео и фотокамеры, пара вспышек холодным светом легла на мостовую. Из шеренги шахтеров выступил усатый мужчина и внятно, хорошо поставленным дикторским голосом произнес:

— Мы, кузбасские шахтеры, находимся здесь, чтобы привлечь общественное внимание к проблеме неплатежей в нашей отрасли. Кредиторская задолженность по заработной плате и низкая платежеспособность разрезов привели к ситуации, когда отставка правительства и импичмент президенту не являются дальновидными. Решить нашу проблему можно и нужно, и мы знаем, как это сделать.

Усач потряс в воздухе файловым листочком и занялся выразительным чтением. Выглядел он весьма убедительно. Единственное, что резало глаз, его холеные руки, не знавшие физического труда. В остальном типаж был сбит грамотно и сочно. Среди присутствующих шахтеров он выглядел самым настоящим, и очень скоро к пикету потянулась струйка любопытных.

— Я Григорий, специалист первого класса, и за каждого из ребят поручусь.

— Очень хорошо, — улыбнулся Отморозов. — Пусть шоу продолжается, а мы с вами съездим и проведем небольшой экзамен.

Группа подлинных шахтеров уселась в белый микроавтобус и через два часа оказалась в загородной резиденции. Еще через час микроавтобус пересек лужайку и остановился возле неприметной девятиэтажки. Здание отвечало всем требованиям новостройки: строительный мусор, котлованы и рвы. Несколько рабочих спешно стеклили первый этаж.

Молодой шахтер потянул за рукав Григория и, округляя глаза, зацыкал, кивая в окно. Он что-то хотел сказать, но не собирался этого делать при сидевшем на переднем сидении Отморозове.

— Приехали, — объявил Савелий. — Проходите в дом. Тут что-то стряслось, я выясню и догоню.

Он спрыгнул на землю и торопливо пошел вперед. Ему навстречу выскочил худой парень и стал выразительно размахивать руками. Он несколько раз описал окружность, надул щеки и растопырил пальцы. После очередного повтора Отморозов бесцеремонно хлопнул его по голове и направился за шахтерами.

— Что ты там показывал? — вполголоса спросил Григорий.

— Ты видел эти канавы? Ты видел? — вопросом на вопрос ответил молодой.

— Ну и что?

— Да это не канавы вовсе.

— Что же? — спросил шахтер, но в следующую секунду его осенила неожиданная догадка. — Без паники, мужики, это еще ничего не значит. Поглядим, посмотрим.

Отморозов провел шахтеров в подвал, где деревянным полом и запахом березового веника развалилась обширная сауна.

— Вот что, ребята, — начал Отморозов, когда шахтеры уселись на широкие деревянные лавки. — Это сухая баня.

— Догадались уже.

— Тем лучше. Мое испытание не из сложных. Только понять его не пытайтесь. Кто выдержит — получит контракт, кто нет — до свидания.

— А делать-то что?

— Надо просидеть в парной полчаса. Кто не захочет, может уйти.

— Температура какая?

— Сто двадцать градусов.

— По Цельсию? — сострил один из шахтеров.

— И еще, — добавил Савелий, — будет немного страшно.

— Мы не из пугливых.

— Тем лучше для вас и для меня.

Отморозов ушел, но вскоре вернулся в сопровождении двухметрового верзилы, который держал в руках неожиданный для окружающих джентльменский набор из банной шапочки, перчаток и ящика пива.

— А это зачем? — недоумевали шахтеры.

— Баня, она и есть баня. Законом не запрещено, а ежели желающих нет, можете и отказаться.

Желающие тут же нашлись. Они опасливо потягивали напиток, прислушивались к вкусу, но вскоре осмелели, и пиво быстро закончилось.

— Прошу, — сказал Отморозов, поднимаясь.

Он прошел в парную и занял место на нижней скамье. В отличие от него верзила поступил более благоразумно, избавившись от одежды и водрузив на голову шапочку. Понемногу парная заполнилась бледными спинами, выпцветшими наколками и въевшейся в кожу угольной пылью.

— Сколько будет дважды два? — спросил Отморозов.

— Два. Два. Три. Пять, — разделились мнения.

— Двадцать один разделить на семь?

— Три. Три, — посыпались более вразумительные ответы.

На носу у Отморозова заблестела капля, и, смахнув ее рукавом, он поднялся:

— Продолжайте, мужики, время идет.

Отморозов вышел в предбанник и, оттянув узел галстука, уселся на лавку. Он хорошо слышал голос верзилы, продолжающий переключку таблицы Пифагора. Ему отвечали спокойно и уверенно. Но через десять минут вперемешку с простыми и натуральными числами посыпались упоминания о Матери, Черте и Боге. Парная наполнилась топотом. Кто-то изрыгал проклятия, кто-то просто кричал. Стоны, крики, топот слились в гул, и, распахнувшись, парная выплюнула голое тело молодого шахтера. Он жадно глотал воздух, перебирал деревянными ногами, но, казалось, был слеп. Лишь ударившись о противоположную стену, парень схватился за нее рукой, не удержался и повалился на деревянный пол.

— Будь ты проклят, — твердил молодой человек, безуспешно пытаясь подняться.

Он еще долго сучил ногами, но устав от собственного бессилия, по-детски заплакал.

9 лет тому назад

Маленькая женщина была одета в клетчатое пальто и потому сильно напоминала подростка. Она осторожно подошла и обратилась к сидевшим на скамейке парням:

— Позвольте, товарищи? — женщина жадно смотрела на бутылку в руках одного из них, намекая, что собирается сдать ее в ближайшем пункте приема стеклотары.

— Пожалуйста, — добродушно растянул один.

Второй опасливо покосился на старушку и бросил бутылку в траву.

— Я вам еще покажу, — пообещала женщина, исчезая в кустах.

— Нет, ты видел? Вот наглая!

— А-а, — отмахнулся тот, что забросил бутылку, — ну, что там у тебя?

— Читал на днях про нашего соотечественника, который купил акции Индийской железнодорожной компании.

— Акции?

— Да, акции. В момент строительства дороги создавалось акционерное общество, после строительства акции выкупили, за исключением какого-то русского купца, к тому времени благополучно почившего. На акции эти так же идут проценты, вот только держателей их найти не могут.

— Ты предлагаешь выступить в качестве лженаследников?

— Нет.

— Зачем тогда эта бессмысленная история?

— Понимаешь, Лешка, пусть тебе это не покажется смешным, но я хотел бы разбогатеть. Положить вот так сотню долларов в банк и заснуть на тысячу лет, а потом... Ну, что потом, ты понимаешь...

— Я в холодильник не полезу, — обиженно пообещал Лешка.

— И не надо, я, так сказать, хочу зайти с обратной стороны. Ты как считаешь, будет когда-нибудь придумана машина времени?

— Гоша, да она уже есть. Видеоманитофон называется.

— Понимаешь, какая ерунда? Время, как и большинство величин, имеет числовую прямую, оно стабильно и пропорционально. Мы легко можем перемещаться в прошлое, используя тот же самый магнитофон, но ничего не можем изменить. Так?

— Так, — согласился Лешка.

— Значит, перемещаться в будущее нельзя, но изменить его можно.

— Логично, но неверно. Перемещаться в будущее можно, и мало того, пока ты пил пиво, мы уже переместились на десять минут.

— Не ерничай, я имею в виду быстрое перемещение. А нельзя, потому что будущее легко изменить. В противном случае компьютер уже давно рассчитал наши доходы на сотни лет вперед.

— Как же ты собираешься управлять этим?

— Меня всегда забавлял тот факт, что я не мог представить конца времени, так же как и начала, впрочем. Ведь пользуясь нашей логикой, и у времени, и у пространства должно быть что-то вроде ограничения. Но сколько я ни пытался — у меня ничего не вышло.

— И ты решил? — растянул Лешка.

— Если честно, ничего я не решил. Да мне это и не интересно. Для меня важен принципиальный вопрос: будет ли машина времени? И если будет, то в каком виде? Потому что я намерен устроить телемост со своими потомками.

Лешка прищурился, искоса посмотрел на собеседника и, сделав несколько жевательных движений, сказал:

— Бред какой-то.

— Лешка, но ведь от тебя многого не потребуется: всего-то составить компанию. Если я окажусь прав — будешь богат, если нет — прозорлив.

— Что от меня требуется?

— План мой заключается в следующем: я собираюсь сорвать банк в национальной лотерее. А для этого мне необходимо знать шесть чисел. Если в общих чертах, то, скорее всего, эти шесть чисел мне уже знакомы. Я их уже получил.

— От кого? От наших потомков?

— Разумеется. Потому что скоро я стану богат и расскажу своим наследникам, каким именно способом я разбогател, а они расскажут своим, и это будет продолжаться до тех пор, пока не изобретут машину времени.

— А потом?

— Потом один из прапраправнуков передаст мне эти числа, которые к тому времени наверняка уже будут впечатаны в родовой герб. Но есть одна проблема, я никак не могу понять, где и как мне передадут эту информацию.

— Телефонный звонок? Электронная почта? — спросил Лешка и тут же ответил сам. — Понятно. Обычную почту ты наверняка так же отвергаешь. А как насчет радио?

— Видишь ли, Лешка, я предположил, что, возможно, со временем технология позволит путешествовать внутри сознания. Ведь не секрет, что многие человеческие возможности и знания фантастичны. Однако подсознание стоит на страже этих ресурсов, запрещая ими пользоваться или ограничивая доступ. Во многих учениях можно найти и описание третьего глаза и Будды, который спит и видит сны. Я же предлагаю приподнять завесу и всего-то посмотреть на шесть номеров.

— Лоботомия? — испугался Лешка.

— Нет, алкоголь. Я предлагаю напиться до поросычьего визга, и наверняка нам что-то откроется.

— Так с этого и надо было начинать, — воодушевился Лешка. — Когда начнем?

— Немедленно.

Молодые люди покинули засыпанную прошлогодней листвой скамейку и, подойдя к ликероводочному магазину, долго обсуждали степень горючести различных продуктов. Того, кто излагал свою идею, звали Игорь Сурков. Он работал программистом в вычислительном центре, и, пользуясь этим преимуществом, Сурков настоял на том, чтобы купить энное количество водки и энное, умноженное на три, количество пива. По дороге к себе он приобрел два билета лотереи, один из которых тут же порвал. Сурков объяснил это тем, что не хочет напрягать потомков лишней работой, а, как известно, за двумя зайцами погонишься — ни одного не поймашь. Лешка согласился с доводами приятеля, но заметил, что лучше было бы сдать билет обратно. Сурков и слушать не хотел про то, чтобы экономить на стоимости билета за неделю до того, как он станет миллионером.

Его уверенность быстро передалась другу, ему не терпелось приступить к началу эксперимента, и Лешка всячески поторапливал.

— Нам некуда спешить, — сказал Сурков. — Раз мы играем в кошки-мышки со временем, значит, его имеем.

— Не знаю, что ты хотел этим сказать, но мне тут в голову пришла одна тревожная мысль: а если в дальнейшем кто-то догадается об этом еще?

— Ну и что?

— Не боишься конкурентов?

— А с какой стати?

— Ну, например, кто-то поймет, как мы разбогатели, и начнет вырубать всех твоих родственников до тех пор, пока ты снова не станешь нищим.

Слово «нищим» Лешка сказал с презрением, дав понять, что оно никоим образом не относится к нему.

— Ну, во-первых, ты еще не разбогател, — сказал Сурков, сделав ударение на «ты». — А во-вторых, в прошлом ничего изменить нельзя.

— Тогда как же твои родственники изменят свое прошлое?

— А они не будут его менять. Я действительно разбогатею, они только передадут мне послание, вот и все.

— У меня плохое предчувствие, — сказал Лешка. Он поставил в прихожей Суркова звякающую авоську, осмотрел ее внимательно и повторил:

— У меня плохое предчувствие.

— Да будет тебе, — постарался подбодрить Сурков, — давай для храбрости!

После первой стопки оптимизма прибавилось. Лешка порозовел, как поросенок, стал подшучивать и похрюкивать.

— Подожди, — прервал его Сурков. — Мы с тобой упустили одну очень важную деталь: не определили степень кондиции.

— А зачем?

— Как — зачем?! — возмутился Сурков. — Мы еще не напились, а ты уже хрюкаешь, как свинья.

— Да, — Лешка озабоченно почесал затылок. — Есть один надежный способ. Но для этого нужна женщина, да не простая, а страшная. Надо посадить ее здесь, и как только мне ее захочется, значит, я дошел до кондиции.

— Ну, это не проблема, — сказал Сурков, — только клеить страшных женщин в трезвом виде неприлично, поэтому предлагаю выпить.

После первой бутылки желание идти за страшными женщинами окрепло. Друзья вышли на улицу и направились вдоль дороги, рассматривая представительниц прекрасного пола. Как назло, страшных среди них не попадалось. Тогда Лешка предложил идти к городскому парку, он знал одно место, где было много женщин, причем на любой вкус, а так как считал себя обладателем изысканного, то легко бы мог найти себе подружку не по вкусу. Но это был просто не Лешкин день, и женщин не по вкусу он там не обнаружил.

— Вот так бы всегда, а то, на кого ни посмотришь — крокодил. Но сегодня просто праздник какой-то.

Когда друзья совсем отчаялись, Сурков увидел на остановке то, что они искали. Это была небольшого роста и неопределенного возраста девушка, настолько страшная, что Лешка шепотом предупредил:

— Я столько не выпью.

— Надо, — приказал Сурков и подтолкнул его вперед.

Лешка подошел к девушке и стал напрягать синапсы головного мозга, соображая, что же в таких случаях сказать. Наконец, поняв, что сказать ничего нельзя, а можно только сделать, он произнес:

— Девушка, одолжите пистолет.

— Вам надолго? — спросила девушка, протягивая «Макаров» рукояткой вперед.

— Нет, только застрелиться.

— Тогда быстрее: сейчас подойдет мой автобус.

Лешка прислонил вороненый ствол к виску и почувствовал, какой он холодный, что тут же подействовало отрезвляюще.

— Разве вы не видите, девушка? — вмешался Сурков. — Молодой человек в вас влюблен, да так сильно, что готов с жизнью расстаться.

— Как все запущено, — сказала дама.

— Неужели такой благородный порыв не вызвал в вас ответных чувств?

— Вот еще! — напряглась девушка. Очевидно, с ней никто так не разговаривал и она не понимала, чего же от нее хотят. — У твоего друга крыша едет, а ты — чувства.

— Уверяю вас, девушка, он очень хороший человек.

— Да что ты все за него говоришь? Он у тебя немой?

— Он оглох от любви, — поэтично произнес Сурков. — Ничего не видит и не слышит.

— Везет мне на калек, — вздохнула девушка. — Звать его хоть как?

— Алексей Людмирский, а меня — Игорь Сурков.

— А короче?

— Меня Гоша, его Леха.

— А меня Эля.

— Эля? — зачем-то переспросил Сурков. — А более официально?

— Эльза Аппетитовна.

«Безобразная Эльза», — подумал Сурков и тут же устыдился своей мысли.

— Эльза Аппетитовна, а не пойти ли нам ко мне и не выпить ли по бутылочке пивка?

— Лучше водки, — рассудительно сказала Эльза.

— Сказано — сделано, — наконец произнес Людмирский.

— Э-э! — Эльза отвела в сторону ствол пистолета, которым Лешка раскачивал из стороны в сторону, — он у тебя действительно чокнутый.

Она решительно отобрала оружие и сунула его за пояс так привычно, словно проделала это с авторучкой.

— Показывай, Дон Жуан, свои хоромы, — обратилась она к Суркову.

Сурков обнял одной рукой Эльзу, другой — Людмирского и увлек обоих дальше от остановки, на которой уже давно поглядывали в сторону Суркова, Людмирского и Эльзы.

* * *

Сурков твердо решил, что будет выкуривать по одной сигарете после каждой бутылки пива. Когда сигареты закончились, он понял, что неверно составил пропорцию, так как пиво кончилось, а водка еще оставалась, даже несмотря на то, что Эльза налегала на бутылку не хуже Людмирского и Суркова вместе взятых.

«А еще говорят, слабый пол», — подумал Сурков, и, к его удивлению, пол наклонился и больно прижал лицо.

«Обиделся», — пронеслось в голове у Суркова. Он стоял, боясь пошевелиться, опасаясь очередной агрессии со стороны пола. Дышать было тяжело, но Сурков терпел. Простояв так несколько часов, он задремал. Когда Сурков открыл глаза, все было на своих местах, пол, как и положено, был внизу, а Сурков — по всем законам физики — сверху. Однако утро было каким-то необычным. За окном шел противный дождь, а мысли, словно мухи, летали вокруг головы нагло и беспорядочно. Даже если какая-то и залетала в голову, то приносила только дискомфорт и разочарование.

Сурков поставил на плиту турку, и пока вода закипала, попытался вспомнить, чем закончился вчерашний вечер. Кофе закипел неожиданно быстро. Сурков читал об этом в каком-то романе у Жюль Верна, но оказалось, что это всего лишь храп Людмирского, который нагло спит в кровати Суркова.

— Вставай, урод, — тихо сказал Сурков.

Пришлось повторить трижды, прежде чем Лешка сменил тональность и перешел из храпа в свист.

— Встать! Суд идет! — закричал Сурков на ухо Людмирскому.

Людмирский лежа вытянулся по стойке смирно и открыл один глаз:

— Где?

— Что? — не понял Сурков.

— Эльза.

— Тебе лучше знать.

— Я не помню, она меня споила и бросила, — Людмирский, кряхтя, поднялся. — Кофеём пахнет.

— Черт возьми, — Сурков кинулся на кухню, где кофе уже плясал по плите.

Он зачем-то ударил темную кляксу мухобойкой и вылил остатки в чашку. Налив в турку воды поменьше, снова поставил ее на огонь.

— Зачем мы ее притащили? — спросил Людмирский, очень похожий на доброго льва с растрепанной гривой.

— По-моему, это была твоя идея.

— Да? — не поверил Людмирский. — А билет мы заполнили?

— Билет. Как же я забыл?! — хлопнул себя по лбу Сурков.

Он стал судорожно выворачивать карманы, перебирать старые газеты и копаться в мусорном ведре. Билета нигде не оказалось.

— Эльза утащила, — предположил Людмирский.

— Ты теперь будешь ее винить во всех грехах?

— С чего бы это?

Сурков ехидно улыбнулся.

— Нет, нет, Гоша.

— Да, ладно, Лешка, мы с тобой взрослые люди.

Сурков перешел к журналам, затем к библиотеке, перетряхивая книги. Он заглядывал в такие места, куда билет не мог поместиться физически, пока вопль Людмирского не прервал его.

— Что, что случилось? — спросил Сурков, влетев в ванную комнату.

Людмирский стоял совершенно обескураженный. Он смотрел прозрачным взглядом на зеркало, по которому аккуратным каллиграфическим почерком красная помада вывела короткую надпись:

«Позвони мне, любовничек, 324-17-85».

— Фух, я уж думал, ты привидение увидел.

— Гоша, она написала «любовничек»!

— Ну и что? Откуда ты знаешь, что это она тебе написала?

— А кому? — отвесил челюсть Людмирский.

— Вообще-то, это моя ванная и квартира моя. Не улавливаешь мысль?

— Ты? — изумился Людмирский.

— А что? — Сурков решил, что маленькая ложь меньшее зло, нежели на протяжении нескольких недель слушать воспоминания Людмирского о встрече с Эльзой.

— Да нет, ничего, — Людмирский повеселел и даже покрылся легким румянцем.

— Ну, как говорится, шутки шутками, а утки утками. Ты билет не нашел?

— Пока нет, — ответил Людмирский, с опаской заглядывая в унитаз.

Молодые люди продолжили поиск, переворачивая все вверх дном. Через два часа поисков билет все же нашелся. Он находился под самым центром паласа. Выяснить, кто и как его туда засунул, не представлялось возможным, но самое неприятное: билет был девственно чист.

Глава 2

— Давай рассуждать логически, — рассуждал Сурков. — Мы собирались узнать шесть номеров и получить эту информацию от наших потомков. Возможно, мы ее получили, но не придали этому значения. Лично я с трудом вспоминаю минувшие события. А ты?

Людмирский потупил глаза и шаркнул ножкой.

— Сколько мы выпили?

— Разве ж я помню.

— Сколько потратили?

— Это бесполезно, Лешка. Я каждый день что-нибудь покупаю, к тому же, когда мы покупали водку, я был еще трезвый.

— А что, по-твоему, может служить сигналом?

— Какое-то необычное, и в то же время заурядное событие, которое могло произойти, а могло и не произойти.

Людмирский почесал затылок, но это никак не сказалось на его умственных способностях. Он почесал лоб, но и это не помогло.

— Может... — начал было Людмирский после нескольких минут напряженного молчания.

— Ну, хватит, — прервал его Сурков.

— Мне надо убраться, смотри, какой кавардак. Давай проваливай, а вечером увидимся и обсудим идеи.

Сурков выпроводил упирающегося Людмирского и стал приводить в порядок свое жилище. Он разложил по местам разбросанные вещи, пропылесосил палас и вытер пыль, что делал крайне редко. Когда он добрался до ванной, то снова увидел надпись на зеркале. Сурков взял лежавшую на раковине губку и поднес к стеклу: неожиданная мысль пронзила его, словно удар током. Сурков бросил губку и, войдя в комнату, стал быстро ходить, нарезая круги и наслаждаясь моментом, когда решение сложной задачи приходит само собой.

Людмирский старался не смотреть на Эльзу, опуская глаза каждый раз, как только взгляды пересекались. Сурков настоял на встрече с Эльзой, так как ее персону, по его рассуждению, становилась ключевой.

— Итак, Эльза, мы хотим знать, кто ты? Откуда ты взялась? Почему оказалась именно там, где сейчас находишься? Почему у тебя такой номер телефона?

— Да. И откуда у тебя нарезное оружие? — вставил Людмирский.

Эльза сделала глубокую затяжку и прищурилась то ли от дыма сигареты, то ли от своих рассуждений. Было похоже, что она не собирается отвечать на дурацкие вопросы, и в голове ее сражаются два варианта: уйти сейчас или чуть позже. Лень победила, и Эльза хрипловатым голосом попросила:

— Закажите мне «Хеннесси».

— Пеноси мы тебе закажем, — не выдержал Людмирский.

— Так, так! Оба замолчали! Говорю я, я здесь главный, я скоро стану миллионером, а кто не хочет ко мне присоединиться — пошли вон.

За столиком тут же стало тихо.

— Слышь, миллионер, закажи мне «Хеннесси».

— Девушка, — Сурков подозвал официантку в цветастом переднике, — принесите сто граммов водки.

— Какой? — спросила подошедшая официантка.

— Самой дешевой.

Эльза недовольно поморщилась.

— Боже мой, с кем приходится работать! — процедил Сурков.

После ста граммов разговор пошел быстрее. Сурков сделал еще два заказа и практически уверился в том, что Эльза — посредник между будущим и настоящим. Он не сомневался, что Эльзу разыгрывали вслепую, подобрав по номеру телефона и подсунув Суркову в самый подходящий момент. Однако информация была неполной, и оставалось либо многое выяснить, либо до многого додуматься. Во-первых, номер телефона имел семь простых и натуральных цифр, из которых предстояло составить шесть чисел. Каким образом необходимо использовать разделители, Сурков не знал, и обсуждение этого не принесло никакого результата.

Людмирский предлагал использовать пять цифр самостоятельно как 3, 2, 4, 8 и 5. Число 17 он считал отделенным и тоже самостоятельным. Аргументы по поводу того, что последовательность «2, 3, 4, 5» невероятно редка, не оказывали никакого воздействия.

Эльза считала, что ее телефон скорее содержит числовой ряд из 3, 24, 17, 8, 5, а шестое число необходимо получить сложением всех вместе. Посчитав на салфетке результат, она изменила мнение, сказав, что это число десять, то есть результат суммы последней цифры с количеством данных.

— Поступим, как советует Эльза, — сказал Сурков.

— Почему? — возмутился Людмирский.

— Потому что она посредник.

— А ты — толстый, — хихикнула Эльза.

— Молчать, — приказал Сурков. — Есть еще две новости. И обе они гораздо важнее ваших склок. С какой начать, с плохой или с хорошей?

— Начни с хорошей, — сказала Эльза.

— Я — гениален.

— А хорошая новость? — спросил Людмирский.

— Хорошие новости кончились.

— Ничего себе денек, — возмутилась Эльза.

— Теперь о грустном. Моя гениальность — залог нашего успеха, однако этого мало. Необходимы решительные действия с нашей стороны, чтобы сломать реальность. Я долго думал, почему наш эксперимент не удался, и пришел к выводу, что ошибся в самом начале. Будущее действительно нельзя изменить. Это как река, текущая по руслу: если она устремилась по выбранному пути, то помешать этому невозможно.

— Но... — вставил Людмирский.

— Никаких «но». Взять, к примеру, луч света. Зная скорость и направление, мы с точностью до миллиметра можем определить, где он окажется через год. Наше будущее так же закономерно. Не настолько точно и безупречно, но уверяю вас, что уже в первом классе я предполагал, кем станут мои одноклассники через десять лет. Возможно, что не тех из них посадили, не те спились и не те уехали в Израиль, но в большинстве своем прогнозы мои сбылись, и в этом нет ничего удивительного. Не надо быть провидцем, чтобы предположить, чем вы будете заниматься завтра.

Людмирский и Эльза переглянулись. При этом по их лицам пробежали следы внутренней борьбы.

— Вот видите, — сказал Сурков, — вы и сами делаете прогнозы. Однако глупо делать глупые прогнозы. Или помните поговорку: деньги к деньгам?

— У тебя нет денег, — вставила Эльза.

— Вот именно, — воодушевился Сурков. — У меня пока нет денег, и это надо исправить.

— Вариант с ограблением сберкассы еще рассматривается? — спросил Людмирский.

— И не только сберкассы. Вы слышали о том, что Госстрах уже не является монополистом, а у Госбанка появляются конкуренты? Существует первая букмекерская контора и так далее.

— «Так далее» звучит конкретнее предыдущего, — заметила Эльза.

— Суть моего предложения сводится к следующему: во-первых, необходимо помочь нашим потомкам, так сказать, обозначить мою фигуру — сделать так, чтобы она стала известной и в обозримом, и в отдаленном будущем. Например, заголовками в газетах: «Забавы отечественных миллионеров! Господин Сурков подарил дому инвалидов болид класса "Формула-1"». Или: «Молодой миллионер решает стать первым космическим туристом». А во-вторых, обезопасить моих наследников, ведь если я стану миллионером, они ничем не будут рисковать, сообщая мне шесть номеров — я-то им уже стал.

— Стоп, стоп, стоп, — замотал головой Людмирский, — нестыковочка. Если ты и так им станешь, зачем весь сыр-бор?

— А я лично сомневаюсь, что ты на свой лимон на околоземную орбиту выйдешь, — закатила глаза Эльза.

— Отвечаю по порядку, — сказал Сурков. — Я стану миллионером в кредит, так сказать, заранее. Что касается космонавтики — это верно, на полет мне денег не хватит, а на статью в газете — вполне.

— У тебя есть план, Гоша?

— Есть, — согласился Сурков, — и он очень прост. Мне необходимо взять по кредиту в каждом банке, застраховаться во всех страховых компаниях и постоянно давать интервью на телевидении и радио о том, как мне повезло выиграть в Национальную лотерею.

— Гениально, — похвалил Людмирский, — а отдавать чем будешь?

— Что за вопрос, Лешка? Выиграю и отдам.

* * *

Мелодично булькнул дверной звонок. Сурков открыл дверь и увидел Людмирского в смокинге и бабочке.

— Взял на прокат, — пояснил он.

— Тебе идет. Только я предпочитаю белый.

— Белых не было, да их, скорее всего, и не прокатывают.

— Не практично?

— Наверняка. Эльза здесь? — Людмирский извлек две бутылки шампанского.

— Нет еще.

— Тогда спрячь, а то все вылакает, не успеешь оглянуться.

— Я в холодильник поставлю.

— Я же сказал — спрячь, — настаивал Сурков.

— Знаешь что, тогда сам.

Людмирский закрылся в ванной, пустил воду и долго гремел фаянсом. После чего появился с закатанными рукавами:

— Да, я понял, почему белых смокингов в прокате нет.

Он достал закатанную в целлофан сигару и долго крутил ее в руках, гадая, с какой стороны откусить. Лешка устроился в кресле перед телевизором и стал пускать кольца в потолок.

Эльза опоздала на две минуты. Она успела покрутиться перед зеркалом, прежде чем проскочила в комнату. Передача уже началась, но еще долго крутили рекламу офицерских часов,

и ведущий говорил приветственные слова, обещая золотые горы и рай на Земле, когда по проволочному желобу покатился шар с номером.

* * *

Прошло два месяца, за которые Сурков успел взять и потратить полдюжины кредитов, однако выигрыш в лотерею не случился. Интервью, статьи, имиджевые издержки в виде аренды автомобиля с водителем делали дальнейшую отсрочку по выигрышу невозможной.

Сурков направлялся в дом престарелых, где собирался развлечь постояльцев рассказом, как ему повезло, когда его «мерседес» остановился на заправочной станции. Молодой человек достал пачку сигарет и вытряс из нее последнюю.

— Здесь не курят, — сказала Эльза.

— Я знаю, — ответил Сурков и чиркнул зажигалкой.

Зажигалка изрыгнула струйку искр, которая занялась голубым конусом пламени, быстро сошедшим на нет. Сурков сделал еще несколько неудачных попыток добыть огонь, но пламя не появлялось.

— Проклятье, — выругался Сурков и толкнул тяжелую дверь. — Эй, парень, огоньку не найдется?

Проходивший мимо машины заправщик угрюмо показал на вывеску, где было написано: «Минздрав предупреждает: курение очень, очень опасно!» Сурков уже собирался хлопнуть дверью, но появившийся водитель сделал серию жестов руками.

— Что? — спросил Сурков.

— Эта карточка аннулирована, — водитель показал прямоугольник картона с темной полоской.

— Ну и что?

— Ничего, бензин здесь бесплатно не заливают.

— А ты не мог бы кормить свою скотину экономнее?

— Я-то могу, но вот захочет ли она ехать?

— Поехали, — скомандовал Сурков. — Заправимся в городе.

Плану Суркова не суждено было сбыться. «Мерседес» с омерзительной немецкой пунктуальностью заглох, как только кончился бензин, едва не докатившись до столбика с отметкой семнадцатого километра. Суркову и Эльзе ничего не оставалось делать, как бросить разгневанного водителя и ехать автостопом. Дальнбойщики не желали притормаживать возле молодой женщины в деловом костюме и мужчины с бабочкой и в смокинге, а легковушки ломили плату, которой у Суркова не было.

— Хорошо, что мы не взяли Людмирского, — сказала Эльза. — Он бы изнылся до головной боли.

— Перестань, — возразил Сурков, — Лешка — хороший парень.

— Хороший, — согласилась Эльза, — только сволочь.

— Какая муха между вами пролетела?

Сурков развязал бабочку и, кинув через плечо смокинг, зашагал по обочине. Он не делал попыток остановить машину и поэтому удивился, увидев сдающую задом красную «девятку».

— Игорь Сурков? — спросила девушка через опущенное стекло.

— Никак нет! — крикнул Сурков.

— Не скромничайте, это вы.

— Нет, не я, — упрямылся Сурков.

— Ну, хорошо, хорошо. Позвольте вас подвезти.

Сурков демонстративно открыл переднюю дверь, приглашая Эльзу сесть.

— Здравствуйте, — сказала Эльза, уловив мысль Суркова. — Меня зовут Эльза, а вас?

Женщина-водитель собралась было обидеться, что ей подсунули для разговора безобразную Эльзу, но, зацепившись языком за собеседницу, провалилась в женскую болтовню. Сурков краем уха улавливал, как дамы обсуждали житейские проблемы, но потихоньку был сморен налетевшим обеденным сном. Напряжение последних дней дало о себе знать: Суркову снился математический кошмар, в котором он складывал цифры, подбивал индексы и проводил камеральные расчеты, но, как и положено, в кошмаре что-то не складывалось, и Сурков вновь приступал к пересчету. Проснулся он от головной боли, но вызванной не кошмаром, а ударом переднего сидения.

— Куда же ты прешь, скотина? — кричала женщина за рулем. — Здесь сороковник висит в самом начале улицы.

— Сама дура, — приветствовал даму нарушитель.

— Что случилось? — спросил Сурков.

— Да этот... козел, — сделала характерный жест женщина, — подрезал.

Только теперь Сурков заметил острую складку металла на капоте машины.

— Это надолго? — спросил он Эльзу.

— Скорее всего, да.

— Я пройдуся, — Сурков выбрался на проезжую часть и наклонился к окну. — Эльза, дай закурить.

Эльза протянула новую купюру достоинством в пятьдесят рублей, такую новую, что казалось, будто ее только что отпечатали.

— О! Да ты богатенький Буратино, — сказал Сурков.

— Я богатенькая Мальвина, а Буратино — это ты, а с Пьеро тебя знакомить не надо.

Сурков задумчиво сунул полтинник в карман и побрел вдоль улицы, рассуждая, что на Мальвину Эльза не похожа, он — на Буратино, а Людмирский, конечно, нытик, но пока еще стихи не пишет.

Он вошел в ближайший гастроном и, протянув деньги, ткнул пальцем в витрину.

— Дайте мельче, — послышался недовольный голос из-за окошка.

— Хм, — изумился Сурков. — Да мельче не бывает.

— У меня тоже сдачи нет.

— Ну, давайте две пачки.

— Еще десять рублей.

— Ну, давайте что-нибудь другое! — начал терять терпение Сурков.

В окошке появилась полосатая пачка сигарет и розовый прямоугольник бумаги с голубой окантовкой. Почему-то Сурков не узнал его сразу и несколько раз посмотрел на просвет билет «Национальной лотереи».

— Это мне? — возмутился Сурков.

В этот момент кто-то из прохожих похлопал его по плечу.

— Молодец, Сурков, так держать.

Сурков оторопело оглянулся. Он уже стал привыкать, что люди на улице сначала улыбались, потом здоровались, а вот теперь даже стали его похлопывать.

— Но я... — возразил было Сурков.

Возражать было поздно, никто не собирался с ним спорить, и, сунув в карман билет, Сурков пошел домой. Он долго звонил, стучал и даже успел побарабанивать в дверь ногой, но чуть позже вспомнил о ключе и отпер дверь. Людмирский стоял в прихожей, прислонившись спиной к стене, и старался дышать тише.

— Кого боимся? — спросил Сурков.

— Кредиторов, — шепотом ответил Людмирский.

«Наверное, Эльза в чем-то права», — подумал Сурков. Но Людмирский не стал ныть, он только сполз по стене и, как показалось Суркову, совсем перестал дышать.

— Все нормально, Лешка, все о'кей, — как можно бодрее сказал Сурков. — Сейчас будет тебе последнее задание.

Сурков достал из кармана лотерейку и, найдя в смокинге паркер для кредитных договоров, заполнил билет и протянул Людмирскому.

— На, Лешка, отправь.

Людмирский посмотрел на бланк «Национальной лотереи», и ему стало плохо.

— Все хорошо, Лешка, это верняк. А талончик спрячь от Эльзы и не говори ей ничего.

Последнее указание подействовало на Людмирского ободряюще. Он все еще нехотя поднялся и, скомкав билет, вышел.

Прошло почти двадцать минут, когда в дверь настойчиво позвонили.

«Вот и кредиторы», — подумал Сурков. Он не спеша завязал бабочку, надел смокинг, внимательно осмотрел себя в зеркало и отворил дверь. На пороге стояла озабоченного вида Эльза все в том же костюме, на котором на сей раз угадывались не то следы борьбы, не то чрезмерной спешки.

— Что случилось? — спросила она.

— Ничего, — ответил Сурков.

— Странно, — сказала Эльза, отстраняя молодого человека.

Она осмотрела кухню, затем комнату и даже заглянула под кровать.

— Ты любовницу ищешь? — спросил Сурков.

— Людмирского.

— Так это не одно и то же.

Эльза лихо извлекла «Макаров» и направила его в грудь Суркова.

— Что здесь было?

— Ничего, — снова сказал Сурков, демонстративно поднимая руки.

На губах Эльзы мелькнула растерянная улыбка.

— Ты обыграл меня, Сурков.

Эльза сделала жест, словно пригладила волосы, и в ее руках послушно осталась каштановая шевелюра.

Она двумя пальцами сложила складку на своей щеке и надавила так сильно, что кожа лопнула, расплываясь от уха. Эльза отделила полоску розовой ткани, обнажая под ней молодую кожу, другое лицо, которое уже не хотелось называть Эльзой.

— С меня хватит, — сказал Сурков. — Пока ты не разбросала по комнате свои протезы, может объяснишь?

— Нет, — сказала создание, которое еще недавно называлось Эльзой.

— Но... — Сурков попытался возражать, ожидая чего угодно, но только не того, что произошло в следующую секунду.

Пистолет в руках создания тихо кашлянул, и грудь обожгла раскаленная игла, испортившая смокинг. Сурков крутнулся на немеющих ногах, но попытку к бегству предотвратил второй хлопок, ударивший в спину и поваливший на пол непослушное тело.

Глава 3

Голубой коридор, слишком ровный и слишком голубой, чтобы быть больничным коридором. Сурков видел впереди затылок пожилого человека, а впереди него — женщину в белом, а впереди нее еще кого-то и еще, и еще.

«Я в очереди», — подумал Сурков.

— Вы последний? — услышал он голос с сильным акцентом.

— Да, я.

Почему-то Суркову было стыдно спрашивать, куда эта очередь, зачем он здесь и как сюда попал.

А на самом деле, как он сюда попал? Сурков сделал шаг в сторону и присел на горчичного цвета пластиковый стул. То, что произошло с Сурковым, было весьма необычным, и по сему вопрос, заданный себе, предполагал рассуждения.

Эльза сняла с себя лицо, а затем его застрелила. По всей вероятности, не насмерть, но ведь стреляла какой-то гадостью, от которой Сурков упал без чувств. Обобрала, наверняка. Очень похожа эта сцена на сцену из детектива с шантажом, только вот незадача — брать у Суркова нечего. Потом она отвезла его в Дом престарелых и поставила в очередь за лекарствами или еще куда.

Сурков покрутил головой, пытаясь найти вывеску, табличку или предмет наглядной агитации, но ничего этого не было. Аккуратный голубой коридор был слишком чист, чтобы являться больничным. Сурков поймал себя на этой мысли второй раз. Он попробовал поковырять голубую стену и укрепился в своем подозрении. Мало того, что таких стен не могло быть в больнице, таких стен не могло быть ни в одном месте, где он когда-либо бывал. Никогда Сурков не сталкивался с такой фактурой и цветом, а предположения об импортных стройматериалах не могли выдержать критики. Сурков осмотрел стул, на котором восседал, погладил поверхность, попробовал на прочность ножки и даже заглянул под него.

— Наконец! — воскликнул Сурков.

На тыльной стороне был приклеен белый прямоугольник пленки с рядом цифр и надписью на латинице. Только язык не понятен, не английский — это точно. Сурков поставил стул на место и посмотрел на присутствующих.

«Раз здесь есть учет, значит, и жизнь должна быть», — подумал он.

Тем временем очередь немного продвинулась, и Сурков перенес стул на несколько шагов вперед, чтобы не упустить из виду впереди стоявшего старичка.

— За чем стоим? — как можно бодрее спросил Сурков. — Что дают?

Старичок улыбнулся, но как-то нехорошо, как-то совсем не по-русски.

— На суд, — сказал он с небольшим акцентом.

— А кого судят? — Сурков изобразил удивленные глаза.

— Нас, кого же ещё?

— А-а-а, — наконец сообразил Сурков. — А где здесь выход?

— Там и выход, — старичок показал на спину впереди стоящего.

— Ладно, — сказал Сурков, кивая стоявшему сзади, — я позже подойду. Если моя очередь дойдет, пусть без меня не начинают.

— Не дойдет, — уверенно заявил мужчина.

— Тем лучше.

Сурков бодро зашагал по коридору, тихо повторяя:

— Дурдом, дурдом.

Вскоре оказалось, что он находится в большом дурдоме с большим количеством больных и очень длинным голубым коридором, а успевших занять за ним очередь нашлось так много, что на шутку это совсем не походило. Сурков попытался представить среднюю зарплату статиста, умножая на среднее количество актеров на километр, но после того, как покрыв внешний долг Аргентины, занервничал. Теперь он внимательнее рассматривал стоящих. Сначала Суркову не терпелось отыскать знакомое лицо, но заметил, что и одежда заслуживает внимания. Несмотря на то, что сам он был одет в смокинг, присутствие в очереди военных, шахтеров, пожарных и даже тореадора выглядело несколько натянуто. В большинстве своем это были люди пожилого и среднего возраста, но иногда попадались очень молодые люди. Полицейскими коридор просто кишел, но ни разу Сурков не встретил милиционера. Когда же в коридоре замаячила синяя фуражка, Сурков чуть не подпрыгнул от радости. Проходя мимо, он заговорчески подмигнул блюстителю порядка.

— Иди. Иди, родной, не тормози, — милиционер нагло похлопал Суркова по задку.

— Но... — опешил Сурков.

— Неужели я тебе при жизни не надоел?

— При жизни?

— Что, не водитель? — не поверил милиционер.

— Нет.

— Эка тебя угораздило, — сержант напустил в голос сочувствия.

— Какой водитель? При какой жизни? Мент! — неожиданно для себя выкрикнул Сурков. Сержант, словно ждавший этой реплики, довольно расхохотался.

— Играет, — понял Сурков.

Он пошел дальше, но уже не бодро, а неторопливым шагом — как на прогулке.

Прошло не менее четырех часов после того, как он отправился искать выход, а конца и края этого заведения не предвиделось. Еще через час Сурков собирался сесть на голубой пол, чтобы отдохнуть, но как только выбрал для этого место, наконец увидел конец очереди, увидел, как в ее хвосте люди на ломаном русском спрашивают последнего и встают друг другу в затылок. Сурков быстро миновал крайнего и побежал в том направлении, где голубые стены сходились в одну точку.

* * *

Временами ему казалось, что он слышит звуки, ломаный русский, далекие шаги и тихое пение. Иногда Сурков уставал и садился, прислоняясь спиной к голубой стене. Он не мог точно сказать: спал ли он. Но однажды, открыв глаза, понял, что не помнит, в какую сторону шел. Это повторялось несколько раз, и, окончательно потеряв представление о времени и направлении, Сурков брел, без энтузиазма переставляя ноги. Скорее всего, прошло несколько дней, прежде чем ему в голову пришла замечательная идея — отдыхать на полу головой по направлению движения. Сурков клял себя за то, что не додумался до этого раньше. Теперь он мог быть уверен только в одном: если коридор когда-то закончится, то он узнает об этом первым. Сурков проводил по подбородку ладонью и удивлялся тому, что борода не растет, забывал об этом, проводил снова и удивлялся вновь. Некоторое время Сурков забавлялся тем, что писал неприличные фразы на голубых стенах, но вскоре паркер не захотел писать без наклона, а водить золотым пером по ворсистому полу было неважно от скрипа волокон. Он пытался кричать и петь, разговаривал и бился головой о стену, но это ни к чему не приводило.

Когда Сурков вновь увидел очередь, его это не огорчило.

«Разберусь с ублюдком», — подумал он и направился вдоль цепочки людей.

Путь предстоял неблизкий, и Сурков всячески подзадоривал себя мыслями о том, как он выведет на чистую воду урода, ответственного за такое безобразие.

Несколько часов спустя Сурков обменялся взглядом с сержантом милиции, который спокойно разговаривал с соседом.

Наконец он увидел в коридоре горчичный стул и знакомого старичка.

— Молодой человек? — улыбнулся он, узнав Суркова.

Сурков подумал, что дать ему по зубам будет несколько невежливо в первую очередь из-за возраста собеседника. Но позже решил не деликатничать и занес руку для оплеухи.

— Вы не боялись опоздать? Не боялись проболтаться здесь лет пятьдесят или сто?

— Нет! — Сурков из последних сил сдерживал раздражение.

Старик выказал огромное уважение, отступил на шаг, чтобы лучше рассмотреть Суркова, и, наконец, протянул старую морщинистую ладонь.

— А где же ваш ангел-хранитель, а? — подмигнул старик.

— Залетела, — объяснил Сурков.

— Ха-ха-ха! — по-стариковски рассмеялся собеседник. — А у вас хорошее чувство юмора, даже перед судом, мне бы так.

Сурков хотел было задать очередной вопрос, но из-за того, что он увидел, волосы на его голове встали дыбом.

В голубом коридоре находилась обыкновенная двустворчатая дверь, куда по очереди заходили все присутствующие. Делали они это совершенно обыденно и без суеты, как только над дверями загоралась покрашенная цапонлаком лампочка. Причем дверь находилась в стене, а не в конце коридора, который не заканчивался, а спокойно продолжался дальше, словно это было логично и правильно.

— Дверь, — шепотом сказал Сурков.

— Дверь, — подтвердил старик. — Не заходите, пока не загорится вызов.

— А вы?

— А моя очередь раньше вашей.

Старик показал пальцем на моргнувшую лампочку и сделал шаг вперед.

Сурков хотел его окликнуть, но так и не сделал этого. Он сел на свой стул и обхватил голову ладонями.

— Я все же спятил. Что дальше?

Просидев так несколько минут, Сурков почувствовал, как на его плечо положили руку.

— Вас вызывают.

Сурков увидел человека, когда-то занявшего очередь за ним.

— Что? А-а-а...

Он поднялся и пошел к двери, но тут же вернулся и забрал стул. «Какое-никакое оружие, — подумал Сурков, — по меньшей мере смогу заблокировать на время дверь».

Переступив порог, Сурков тут же начал осматриваться. Кому-то это не понравилось, и над его ухом загремел сочный бас:

— Что ты там копаешься?! В штаны наложил?

— Кто здесь? — глупо спросил Сурков.

Он быстро пошел к центру круглого зала, напоминавшего арену цирка, увеличенную в несколько раз. На возвышении за огромным столом восседал лысый человек в очках, одетый в красную мантию. На его столе, заваленном бумагами, находился очень плоский монитор и молоток с круглой дощечкой. Сурков с трудом различал черты лица этого человека, но слышал его абсолютно четко, скорее из-за хорошей акустики, нежели технических шуток.

— Дело номер двести шесть триллионов сто восемь миллиардов двадцать шесть миллионов восемьсот восемьдесят тысяч тридцать один. Класс «А» отдела вторичных дел, категория «Белое», Комитета контроля над Временем.

Только теперь Сурков увидел секретаршу за пишущей машинкой, примостившуюся у основания стола.

Судья громко выругался и исчез, затем появился в мантии белого цвета и, хлопнув коло-тушкой, объявил:

— Вы признаете себя виновным?

— В чем? — не понял Сурков.

— В нарушении времени.

— Я?

— Он что, дурак? — спросил судья секретаршу.

— Здоров, — сообщила последняя. — И справка есть.

— А почему со стулом?

— Очевидно, вешдок, — предположила она.

— Стул — это для того, чтобы сидеть, — сказал Сурков и, поставив его, сел.

— Говорите, справка есть? — засомневался судья.

— Есть, есть, — подтвердила секретарша. — Сурков Игорь Андреевич признан годным к строевой службе в рядах Вооруженных Сил, плоскостопия и других умственных отклонений не обнаружено. Справка выдана военкоматом Центрального района.

— Скажите, Сурков, — спросил судья, придя в иное расположение духа, — что вы об этом думаете?

— У меня такое ощущение, что я умер.

— Хм, — удивился судья, — а вы полагаете, что нет?

— А разве да?

— Что это за debil?! — закричал судья. — Почему он корчит из себя идиота? Ну-ка прочтите мне тезисно.

— Сурков И.А. организовал преступную группу с целью извлечения материальных выгод путем создания обратных связей во времени. Его действия привели к тому, что правнучка в семнадцатой степени воспользовалась модуляцией Перенокиса — Бетолиса и передала информацию в двухтысячный год, что вызвало парадокс третьего уровня, приведший ко времетра-сению пятой степени по шкале Хрониуса.

— Ничего я не получал, — сказал Сурков.

— Сурков И.А. заполнил билет Национальной лотереи с помощью знаков, переданных правнучкой в семнадцатой степени. Ими оказались: семнадцатый километр, автомобиль девя-той модели, госномер, состоящий из региона и двузначного числа, знак ограничения скорости, время ожидания. Последнее число было передано через ангела-хранителя, который внедрялся в реальность под видом Эльзы Аппетитовны Таракановой специально, чтобы ограничить воз-можность осуществления преступных замыслов. Ангел-хранитель дематериализован и деду-холизован за служебное несоответствие.

— Так с этого надо было начинать, — возмутился Судья. — Сурков, вас что, никто не инструктировал?

— О чем вы говорите?

— Вам никто не рассказывал, что вы умерли, что попадете в Ад?

— За что?

— За то, что потревожили будущее.

— Но я не понимаю...

— У вас будет время и понять, и подумать.

Судья встал и торжественным голосом объявил:

— За нарушение законов физики, преступление против времени и потомков, создание парадоксов третьего уровня, властью, данной мне Вселенной и Богом, а также по ходатайству Комитета контроля над временем, приговариваю Суркова Игоря Алексеевича гореть в геенне огненной. Срок пребывания — вечность, исполнение наказания — немедленно.

Сурков слушал судью, брезгливо покачивая ногой, а в конце даже стал посвистывать. Ни один мускул не дрогнул на его лице.

Судья ударил деревянным молоточком по круглой дощечке, и, неожиданно для себя, Сурков провалился в преисподнюю вместе со стулом.

* * *

Там не было голубого коридора и цвета нежнее коричневого. Все было либо черным, либо грязным.

Совершенно черный негр приказал Суркову раздеться и взамен белого смокинга, который он неаккуратно запихал в серый мешок, выдал тюремного вида синюю спецовку. Одежда оказалась на два размера больше, но это совсем не беспокоило Суркова. Он вдруг осознал, что весь кошмар, произошедший с ним, кошмаром не является. Есть жестокая реальность, в которой ему, Суркову, предстоит вечно находиться в Аду, и все это будет происходить невероятно долго. Но больше всего Суркова угнетало то, что он уже умер, и его жизнь бесславно закончилась на паласе в однокомнатной квартире, а он так и не успел сделать ничего значительного.

— Вы грешник, Сурков, ваш порядковый номер один четыреста шестьдесят восемь двести тридцать два. Если вас спросят номер, назовите три последние цифры, если спросят полный, назовите все число целиком. Вы направляетесь в мужской Ад сто тридцать семь на триста тридцать девятом уровне. Если вы потеряетесь, то должны обратиться к ответственному черту для препровождения до места наказания. Вам все понятно?

Сурков кивнул.

— Вот ваши бумаги, — негр сунул в руки Суркову серую папку, сверху которой красовалась эмблема в виде трезубца. — Дойдете до станции, поедете в сторону промзоны. Сойдете на «Котловой», пересядете и поедете к триста тридцать девятому уровню, ваша станция «Ад сто тридцать семь». Идите.

Сурков потянул за рычаг проржавевшей двери, которая достаточно легко поддалась и, переступив порог, оказался в проходе, прорубленном в скале. С неровных стен стекала вода и естественным потоком стремилась дальше. Ноги Суркова зачавкали по лужам. Красные языки факелов, висевших на стенах, отбрасывали тусклые тени. Сурков в очередной раз потешил себя мыслью о кошмарном сне, но когда сквозь ботинки проникла вода, двинулся дальше.

Проход расширился, вильнул и вышел в большую пещеру, соединявшую несколько штреков и проездов. По импровизированным дорогам катились электрокары, обливая путь синим неоновым светом. По дорогам, сходявшимся к небольшому перрону, шли люди, одетые в основном в спецодежду или серых тонов платья, покрой которых не вызывал положительных эмоций. «Обычные люди, обычная одежда — все, как на стройках метрополитена, только работают здесь одни негры», — подумал Сурков. Но тут же увидел белого, одетого в такую же, как у него, синюю робу и прижимающего к груди серый скоросшиватель. Зеленые глаза молодого человека по-кошачьи блеснули. Он сделал неуверенный шаг навстречу, но тут же остановился и воровато оглянулся.

— Кого боимся? — спросил Сурков нарочно громко.

— Еще не знаю.

— Тогда держи хвост пистолетом, хуже уже не будет.

— Наверное, да, — согласился молодой человек, — а ты здесь давно?

— Давно, — ответил Сурков брезгливо.

— Тогда, может, подскажешь? — замялся парень.

— Что?

— Ну, как себя вести, есть ли тут дедовство, можно ли дать деру?

— Ха! — ухмыльнулся Сурков, — Не дрейфь, парень, расскажу, но сначала ты. Кто ты? Как сюда попал?

Парень с недоверием посмотрел на скоросшиватель в руках Суркова, но все же решил не выяснять то, чего ему было не положено, и начал:

— Я — Билый. Бандит из Белой Церкви, это в Украине.

— Хорошо, — похвалил Сурков.

— Сам понимаешь, грешил... Не так, чтобы очень... Как все...

— Все бандитами не становятся.

— Так ведь и я не хотел, но делать нечего: семью кормить надо.

— А что же, у тебя дети голодали?

— Да не было у меня детей, во всяком случае, у моей жены. А на заводе денег не платили, устроиться куда-то очень тяжело, тут дядька предложил организовать мафию.

— Что за мафия?

— Дальнобойщиков стричь, которые на ночлег останавливались. Люди чужие, местных никто не знает. А я подходил и спрашивал по десять долларов, дядька сзади с ружьем стоял. Нам не отказывали.

— Что же, так ни разу и не отказали?

— Один раз, — вздохнул Билый, — местная какая-то гадина, то ли меня узнал, то ли дядьку, — возьми да и пальни. В дядьку не попал, я на пути оказался. Дядька ответил, но я тогда еще упасть не успел. Меня дробью под колесо кинуло, а пока гадина разворачивалась, пару раз по мне проехала.

— Деру дал?

— Вряд ли. Скорее всего, за дядькой погнался, но только не догнал. Во всяком случае, я его в очереди не видел.

— Ясно, — сказал Сурков, слушая, как из тоннеля доносится звук приближающегося поезда.

Три фары вынырнули из темноты, и, гремя вагонами, к перрону подошел электропоезд, с зияющими темными проемами окон и дверей. На облезлых стенах вагонов черной краской были набрызганы разномастные буквы из латиницы и кириллицы. С большой долей грамматических ошибок сообщалось: «Здесь был черт Лютый», «Дьявол — дурак», «На Котловой открылась пивная», «Гастроли группы "Квин" с завтрашней ночи и вечность».

— Тебе куда? — спросил Сурков.

— До «Лифтовой», затем на тысяча двенадцатый уровень. Ад семьсот два.

Сурков скользнул в дверной проем, и, взявшись за поручень, стал внимательно изучать то, что напоминало карту-схему. Она была аккуратно нацарапана гвоздем или другим острым предметом, но несмотря на примитивный уровень исполнения, содержала четкие линии, схемы переходов и названия станций все на том же смешанном языке латинскими и русскими буквами.

— Осторожно, двери закрываются, — объявил неизвестный машинист. — Следующая станция «Геенна огненная».

Поезд резко дернулся и помчался в туннель. В вагоне стало совсем темно.

— Что значит «двери закрываются»? — пытался перекрыть шум колес Билый.

— А, — махнул рукой Сурков, — не обращай внимания.

— Так что ты мне посоветуешь?

— Не ссы никого, — уверенно сказал Сурков.

— И все?

— Все! Лучшего совета ты не услышишь. Пойми, что самое страшное произошло.

Сурков не видел лица Билого, но мог поклясться, что он сейчас плачет, как несправедливо обиженный ребенок, шмыгает носом и растирает кулаками слезы.

Прошло достаточно много времени, прежде чем за проемами окон колыхнулся первый отсвет, и поезд вылетел на станцию.

— Уважаемые черти и гости Ада, — сообщил машинист, — выходя не забывайте свои вещи.

Сурков поискал глазами Билого, но в вагоне находились только негры. Лежавший на полу серый скоросшиватель наводил на мысль, которая казалась Суркову ужасной и забавной одновременно.

* * *

— Грешник Сурков, вы ехали в противоположную сторону, — высокий негр неторопливо перелистывал скоросшиватель.

— Извините, — сказал Сурков, — этого больше не повторится.

— Ваш штрафной талон был оторван.

— Ехавший со мной грешник выпрыгнул с поезда.

— Вижу, что вы не совсем понимаете, что является оправданием. Мне придется наказать вас.

— Каким образом? — Сурков чувствовал, что спрятанный в ботинок паркервот-вот перепрыгнет в руки негра, но расставаться с авторучкой, которую по каким-то причинам до сих пор не отобрали, чертовски не хотелось.

— Я накажу вас, и наказание не покажется вам забавным. Ничего не хотите предложить?

— Никого не наказывать сегодня, — сообщил Сурков.

— Как угодно, — сказал негр. — Я мог бы сделать для вас исключение, тем более что до конца смены осталось сорок минут, но раз вы упрямитесь.

Он сообщил коллеге, что грешник Сурков направляется на наказание. После чего другой негр препроводил Суркова в помещение раздевалки с высокими металлическими шкафчиками вдоль стен. Раздевалка ничем не отличалась от аналогичной в какой-нибудь авторемонтной мастерской, там так же пахло гарью и промасленной спецовкой. Сурков даже покрутил головой в поисках плаката по технике безопасности и тут же его нашел. На серой картонке, очевидно, угольным стержнем было выведено:

«Ответственный за роjar — chert Вялый».

— Четко тут у вас все, — попытался пошутить Сурков.

— Советую раздеться.

— Зачем? — изумился Сурков.

— Просто советую.

В словах негра не было ни издевки, ни угрозы, ни сарказма. Он сказал это так, как говорят избитую тысячелетиями фразу, и Суркову это не понравилось еще больше. Он снял с себя спецовку и повесил в свободный шкафчик с нацарапанным номером тринадцать.

— Пошли, — скомандовал негр.

Сурков подумал, что негр не такой уж здоровый, и при желании он мог бы поспорить с ним в рукопашной схватке.

— Негров здесь нет, — сообщил негр.

— Как? — удивился Сурков.

— Так вот. Меня зовут черт Вялый, тот, кто вас отправил на наказание — черт Паркер, вы ему не отдали одноименную авторучку, которую спрятали в ботинок, теперь он вас будет опекать.

— Ничего себе, — не сдержался Сурков. — Так вы тот самый ответственный за пожар?

— Советую думать потише, — приказал Вялый и открыл железную корабельную дверь, за которой оказался большой зал с низким сводом.

Сурков невольно остановился, его челюсть безнадежно отвисла, а колени подогнулись. Насколько он мог видеть, свободное пространство занимали низкие печи и жаровни, на которых сквозь красные отблески огня виднелись огромные емкости и сковородки. Вокруг них деловито расхаживали черти, некоторые из которых были вооружены трезубцами. Они помещивали своим орудием варево, состоящее из смеси масла и грешников. Масло было таким густым, что невозможно было понять, где кончается и начинается грешник. Бесформенные кляксообразные тела вздымались над поверхностью и тут же исчезали в бурлящем месиве. Время от времени один из грешников пытался выбраться из котла, за что тут же получал оплеуху трезубцем и сваливался обратно. Зрелище на сковороде было еще отвратительнее. Абсолютно голое тело извивалось на промасленном противне. Покрытые румяной корочкой ягоды мелькали в сумасшедшем ритме, припадая к промокшей сковороде, взвивались с новой силой, от них шел густой серый пар.

— О, Боже! — выдохнул Сурков.

— Раньше надо было думать о Боге, — сказал Вялый и зашагал между котлами.

Сурков невольно сделал шаг за ним, но поскользнулся в разлитом масле и упал, ударившись головой о сталактит. Вялый оглянулся, но возвращаться не стал; он ушел и через несколько секунд привел помощников — крепких рослых чертей, которые подхватили Суркова под руки и поволокли на возвышение, примыкавшее к свободной сковороде. Они усадили его на большую совковую лопату, ловко связали запястья мелкой цепью, после чего один разорвал серый бумажный мешок и высыпал на Суркова ошметки стекловаты.

— Маслом, маслом надо было полить, — посетовал другой.

— Не учи ученого, — огрызнулся первый, схватил черенок лопаты и опрокинул его так, что Сурков кубарем полетел на сковородку.

В голове его мелькнула Эльза, снимающая с себя лицо, прячущий в сливной бачок шампанское Людмирский, работники банков, страховых компаний, незнакомые люди, здоровающиеся на улице, голубое небо, белый снег, рыжее вечернее солнце.

Глава 4

Суркову очень хотелось заплакать, но комок в горле катался как горошина и никак не хотел становиться тугим. Его обожженное тело больше не горело, острая боль перешла в тупую, жжение — в нытье, а пронизывающий страх — в глухую усталость.

— Долго ты здесь будешь корячиться? — спросил обрюзгший лысый грешник.

— А-а? — скорее простонал, чем спросил Сурков.

— Я сегодня дневальный, будешь копать — останешься со мной на заплыв. Понял?

Сурков ничего не понял, но схватил квадратный кусок мыла и похромал в душевую. Освещенная догорающим факелом комната была оснащена рядом согнутых труб. Кран у душа оказался один. Как догадался Сурков, горячая вода грешникам не полагалась. Даже после сорока минут на сковороде его грудь сдавил стальной обруч холода.

— Брр, — сказал Сурков первую осмысленную фразу.

Он потихоньку стал смывать с себя остатки масла. Как и положено, мыло ело ожоги, оставляя зуд.

— Не может быть, — пожаловался Сурков, — этого не может быть! Этого не может быть!!

Кран громко хрюкнул, плеснул на Суркова последнюю порцию воды и замолчал.

— Эй, новенький, — услышал Сурков. — Давай быстрее, сейчас воду отключат.

— Уже отключили, — тихо сообщил Сурков.

Возникший в проходе толстяк осмотрел покрытого мыльной пеной Суркова. Очевидно, это было жалкое зрелище, потому что он ухмыльнулся и, сплюнув на пол, сказал:

— Вот что, новенький, ты здесь надолго, так что послушай моего совета: не будь чмом.

— Как это?

— Так. Сопли не распускай, не ори, когда тебя жарят, не стой «раком» в раздевалке. Поджарился, масло смыл — и на нары. А если ты вздумал свои игры играть, знай — здесь таких не любят.

— Какие игры?

— Такие. Ручку Паркеру отдай и не думай, что он о ней не знает.

— Как он узнал?

— А ты как думаешь? Мысли прочел, придурок. Неужели непонятно?

— Они умеют читать мысли?

— Все читают мысли, в том числе и ты. Или думаешь, здесь все русский изучали? Все на мыслях. Говорить — воздух трясти, да и воздуха здесь почти нет, — толстяк помахал короткими руками вокруг себя.

— Чем же мы дышим?

— Узнаешь, — пообещал толстяк, — когда в котел попадешь.

Сурков закрыл глаза и опустил голову.

— Не ной, баба, — фыркнул грешник презрительно. — Пообгоришь, привыкнешь, лет через триста могут на верхние уровни перевести, там полегче да почище, а если с головой — можешь и до черта дослужиться. Но до черта — это надо лет семьсот обгорать, чтоб до черноты.

— А в Рай кого-нибудь переводили?

— В Рай? — толстяк схватился за бока. — Ха! Новенький в Рай захотел, ёкарный бабай.

Сурков отряхнулся как собака и, обойдя развеселившегося толстяка, прошел к тринадцатому шкафчику. Стараясь не потревожить ожоги, он накинул спецовку и аккуратно застегнул пуговицы. Обуваться было особенно больно. Немного поколебавшись, Сурков засунул руку в ботинок и извлек злополучную авторучку. Блеснувшее в полумраке золотое перо показалось нереальным.

— Интересно, — сказал Сурков, — а почему ее никто не отнимет силой?

Суркова поразило, что такой простой вопрос не возник раньше, ведь если черти обладали реальной властью, могли читать мысли, чинили беспредел и кого-то опекали, то логично было предположить, что они распоряжались и имуществом грешников.

— Эй, дневальный, — позвал Сурков, — как вас там?

— Ты меня задерживаешь, — напомнил толстяк.

— Еще минуту, — и, не дождавшись ответа, спросил, — А почему черти не применяют силу?

— Не все так просто, — глубокомысленно вывел толстый. — Когда-нибудь сам догадаешься.

Суркову ничего не оставалось, как нести свои ботинки по полутемным коридорам туда, где его мучения начались. Дорогой он думал об авторучке, о наказании и о чертях, но не смытая стекловата так зудела за шиворотом, что мысли Суркова путались.

— Долго ходите, грешник Сурков, — вместо приветствия сказал черт Вялый. — А я вас поджидаю.

— Зачем? — спросил Сурков безрадостно.

— А вы не догадались?

— Скажите, Вялый, — не выдержал Сурков, — почему вы мне выкаете?

— А что вас смущает?

— Меня просто бесит ваше вежливое отношение.

— Это моя работа.

— Вы хотите сказать, что издеваетесь надо мной?

— Сурков, здесь Ад, и церемониться с вами никто не обещал.

— А если я вам съезжу по физиономии?

— Да будет вам известно, что у черта нет физиономии, а вышеобозначенная часть тела называется мордой.

— Вышеобозначенная часть тела, по моим представлениям, должна иметь рога.

— Это уже мифология, — махнул рукой Вялый, — бабушкины сказки. Но вы мне, Сурков, зубы не заговаривайте.

— Вы тоже хотите получить паркер?

— Хочу, — ответил Вялый после продолжительного раздумья.

— Зачем? — спросил Сурков.

— Идемте.

Вялый направился по проходу, миновал несколько галерей и остановился возле узкого входа в пещеру.

— Будете расширять вход, — пояснил он.

— Чем? — спросил Сурков.

— Чем угодно. Будете работать здесь вместо отдыха до тех пор, пока размер пещеры не превысит размер грота. Затем получите право на восьмичасовой отдых.

— Это распоряжение Паркера?

— Паркера, — согласился Вялый. — Но я мог бы его послушаться и заставлять вас работать меньше или перевести в другое место, если, предположим, получил бы от вас кое-что.

— Прощайте, Вялый, — уверенно сказал Сурков. — Идите, отдыхайте, у меня много работы.

Сурков двинулся к входу, пробуя руками куски горной породы. Он твердо решил, что ручка останется у него не столько в силу природного упрямства, сколько из-за очевидных рассуждений. Раз вещь кому-то очень нужна, значит она представляет собой определенную ценность.

* * *

Сурков очень быстро понял, что лучшим в данной ситуации было бы сойти с ума. Умереть, не думать, не существовать он не мог. Теперь он вынужден терпеть, пребывать, мириться и, самое страшное, осознавать, что это будет продолжаться и продолжаться. Сложнее всего было не думать об этом, потому что мысли тошнотой подступали к горлу и кружили голову, как только Сурков не успевал от них отмахиваться. Что может быть неприятней навязчивой мысли? Может быть, теща? Или сварливая жена? Нелюбимая работа? Болезнь? Старость? Бедность? Собственная глупость?

Сурков подумал, что все это вместе и образовало бы тот феномен безрадостного прозябания, безысходности и страха, который испытывал он. И что удивительно: никто не пугал его, не угрожал и не обещал вечных мук, мысль эта приходила сама, так, как приходят друзья — не вовремя и без приглашения. Сурков специально заставлял себя вспоминать жизнь, друзей, работу, книги и кинофильмы. Как назло, бездумная работа по расширению грота способствовала появлению глупых мыслей. Сурков попытался сделать свою работу творческой, но отсутствие инструментов и любых других приспособлений этому не способствовало. В конце концов Сурков бросил свое занятие и направился бродить по Аду. Вялый не появлялся, да и сам Ад в ночное время казался другим. Сурков понял, что видит его по-новому: как неминуемо он превращается в то, что привычно называется домом. Это открытие не приносило хорошего настроения.

Сурков увидел двух грешников, играющих с чертями в карты. Подошел и сел на грубую скамейку, ожидая, что его тут же погонят, но черти, поглощенные игрой, не обратили на него никакого внимания, а один из грешников даже пододвинул к нему бумажный кулек с сухариками.

Сурков впервые видел, как едят в Аду, да и на еду это было не похоже. Грешник брал в рот парочку заплесневелых, посыпанных грубой солью сухариков, хрустел ими, после чего сплевывал под стол. Весь моцион заключался в грубом сплевывании, и вкус сухарей грешника несколько не смущал. Сурков уже понимал разницу между духовной и телесной оболочкой, поэтому потянулся к пакету только из любопытства. Он выбрал наименее заплесневелый сухарик, положил его в рот и погонял языком, прислушиваясь к ощущениям. Определенно, он был соленым. Вкус соли перебивал устойчивый привкус пыли, ничего интересного он больше не заметил.

— Играть будешь? — спросил грешник.

— Во что играете?

— В дурака.

— В дурака? — удивился Сурков.

— А что? Умником себя считаешь?

Сурков попытался проглотить сухарик, но тот почему-то не хотел проглатываться, а напоминал жвачку. Решив, что с сухариком он разберется позже, Сурков ответил:

— Да нет.

— Так да или нет?

— Нет, я же говорю.

— Ты не сказал «нет», — настаивал грешник.

— Че пристал? — спросил тот, что предложил сухарик.

— А че он в попу лезет? Да... Нет...

— Ударьте его по лицу, Федор Абрамович, — предложил один из чертей.

Грешник, которого называли Федор Абрамович, не долго думая воспользовался советом и залепил оплеуху по левой скуле Суркова. Сухарик тут же пролетел внутрь, а Сурков увидел свои ноги, взметнувшиеся вверх. Ощущения боли в Аду были такими же яркими, как и при

жизни. В них было что-то металлическое, резиновое, ненастоящее, вроде как от сливочного масла пахло бензином, но то, что это было масло, сомневаться не приходилось. Сурков больно ударился, кувыркаясь по камням.

Два черта и два грешника залились смехом. Суркову захотелось подскочить, прыгнуть на обидчика и разорвать его в клочья, но неожиданно для себя он ощутил ужасную усталость. Он лежал на камнях, приятный холодок давал ощущение покоя, которое может ощутить путник, взявший непосильную ношу и случайно присевший отдохнуть. Он начинает понимать, как он устал, сколько прошел и как же далеко до конца. От этого знания становится невыносимо тяжело.

Сурков подумал, что досчитает до десяти, поднимется и набьет морду обидчику, но когда досчитал до восьми, уже знал, что будет считать дальше. После двух с половиной тысяч он перестал. Через полчаса ярость прошла, и драться уже не хотелось. Вскоре грешники окончательно продулись и залезли под лавку кричать «гав-гав». Федор Абрамович проиграл двенадцать миллионов «гав», грешник, угостивший Суркова, — чуть меньше. Они добросовестно изображали собак под смех чертей, пока у них не сели голоса, после чего черти пошли отдыхать, а грешники, полаяв для приличия несколько минут, вылезли из-под стола.

Федор Абрамович ушел сразу, а грешник с сухариками подошел к Суркову и протянул обожженную пятерню.

— Сухарик проглотил? — спросил он.

Сурков кивнул в знак согласия.

— Надо было сразу тебя предупредить.

— О чем?

— Утроба — отхожее место души.

— Да? — не поверил Сурков.

— А ты не чувствуешь? Теперь будешь таскать за собой, а для грешника это нелегко.

— И что же мне делать?

Грешник пожал плечами:

— Скажи своему черту, он тебя в медпункт отправит.

— А там? — зачем-то спросил Сурков.

— Там сделают рентген и вырежут.

— Без наркоза? — предположил Сурков.

— Послушай, парень, я вижу, ты здесь недавно. Запомни несколько вещей, которые тебе пригодятся: здесь Ад, и все, что происходит, делается не для твоего удовольствия. Если здесь вырезают совесть, то делается это самым тупым скальпелем, без наркоза, да еще и зеркало поднесут, чтобы ты все видел.

— Мне показалось, что черти к вам неплохо относятся.

— Показалось. Черти здесь, чтобы нас наказывать. Черти — это отборные, обгоревшие грешники. Они не подвергаются наказанию, потому что готовы служить Сатане.

— Зачем же вы с ними играете?

— Мало того, что играем, еще и всегда проигрываем. Черт в Аду — и бог, и царь, и генеральный секретарь, запомни.

— Но ведь чертями не все становятся.

— Не все, — согласился собеседник. — Только самые отборные мерзавцы.

— А остальные?

— Остальные варятся. Некоторым послабления дают, некоторые даже до ангелов дослуживаются. Впрочем, врут, наверное, — он зачмокал губами, очевидно, что-то представляя, но тут же сделал искаженную гримасу на лице. — Думать здесь нельзя, поймешь скоро.

— Как это? — опешил Сурков.

— Пока ты здесь недолго, можешь думать, но постепенно все пройдет.

— Как же не думать? Как же так?

— Ну, не то, чтобы совсем, можешь думать о том, как будешь наказан, об отдыхе и так далее, но вот представить что-нибудь свое уже не сможешь.

— Почему же?

— Потому что здесь все нематериально, все здесь дух. И ты, и черти, и все вот это, — собеседник обвел окружность. — Не совсем, конечно, а впрочем, я и сам не знаю, никто меня не учил.

— А это? — Сурков достал авторучку и показал собеседнику.

— Откуда у тебя это? — грешник вылупил глаза, протягивая вперед ладони.

— С собой пронес.

Собеседник недоверчиво скосился на Суркова.

— И не отобрали? А мысли прочли?

— Прочли, но сами не стали отнимать.

— Это — чтобы ты отдал, — предположил грешник. — Отнять не так больно, а вот, когда сам отдашь — будешь каяться, что смалодушничал. Черту — очко, тебе — наказание.

— Умно, — согласился Сурков. — Только не отдам.

— Отдашь, — пообещал собеседник, — Ад и не таких ломал. Здесь душа грешника как соломинка.

— А если я не грешник?!

— Если не грешник? — усмехнулся собеседник. — Тогда тебе надо в оправдательный комитет. Напишешь заявление, будет повторный суд. Но вот не помню, чтобы кого-то оправдали. В лучшем случае — послабление. Только ты теперь не рассчитывай с твоим сухариком... — собеседник сделал гримасу, похожую на гирю.

— А где он находится, оправдательный комитет?

— Ха! В оправдательный только черти могут, тебя туда не пустят.

— А если я заявление напишу?

— Еще раз тебе повторяю, но последний, заметь. Черти здесь все. Залезешь за черту — будешь в Аду, как по Библии положено. Найдешь подход — получишь преференции.

— А что, если не подчиняться? Не исполнять приказы, на наказания не ходить, сбежать.

— Глупости. Сколько я здесь, ни разу о таком не слышал. Новичков часто на цепь сажают или в карцер, дополнительное наказание дают. Но чтобы кто-то на своем настоял, такого не было.

— А убежать?

— Попробуй. Поймают, переведут на пару сотен уровней вниз, там содержание похуже этого.

— Неужели ничего нельзя сделать?

— Нельзя, — бросил собеседник и пошел по гроту прочь от Суркова.

— Ты куда? — окликнул его Сурков.

— Ясное дело, — бросил тот через плечо, — наказания скоро начнутся.

* * *

Сурков варился в Аду, кипел в нагретом масле, шипел на раскаленной сковородке, сидел в мешке со стекловатой. Для Ада это были обычные будни, и никто не замечал, что это происходит с Сурковым. Никто не говорил:

— Неужели Сурков умер?

Или:

— Ну, надо же, Сурков попал в Ад.

Его пребывание и наказание было таким же обычным делом, как и у миллиардов грешников по соседству.

По ночам, хотя понятие «ночь» было понятием относительным, Сурков расширял грот. Вялый не настаивал на этом, даже когда Сурков явно уклонялся от его распоряжений. Лишь однажды он напомнил, что Сурков будет заниматься этим до тех пор, пока не выполнит задание полностью. Сурков же считал, что ему некуда торопиться и сачковал при любой возможности. Вскоре он стал замечать, как теряет силы. Проклятый сухарик разбухал внутри и, казалось, весил несколько килограммов, кожу покрыли ожоги и язвы, кости ломило, а голова постоянно гудела, словно трансформатор. Сурков стал мечтать об отдыхе, хотя спать он совершенно не хотел. Надо было что-то предпринять, и он усиленно стал соображать. Тут выяснилась неприятная вещь, о которой его уже предупреждал один грешник. Мысли совершенно перестали его слушаться. Любая фантазия, не относящаяся к наказанию, Аду и чертям, не хотела строиться в голове.

«В этом нет ничего удивительного, — думал Сурков. — Ведь я нахожусь в нематериальном мире, и любая нематериальная субстанция здесь является реальной. Например, моя душа здесь вполне реальна, а что есть душа, если не набор единиц и ноликов? Раз информация здесь реальна, значит и мысль должна быть реальной. Нет, глупость какая-то. Если бы все было так просто, я вообще не смог бы ни о чем подумать».

Сурков пытался вспомнить какую-нибудь сцену из своей жизни. Он увидел холодный весенний вечер, когда они с Людмирским пили пиво.

«Странно, прошлое вспоминается довольно легко, — рассуждал Сурков. — Почему же представить будущее так тяжело? Неужели потому, что моего будущего не существует? Брр».

Сурков помахал руками, чтобы отогнать эту мысль.

«Довольно киснуть, хватит соплей и пессимизма, я же обманул время, чем это заведение лучше?»

Он огромным усилием воли представил таблицу умножения, закон Архимеда, правило Буравчика. Уравнение Бернулли Сурков так и не вспомнил, но решил не расстраиваться и перешел к рассуждениям на тему расширения грота.

Посчитав приблизительно свою ночную выработку и сопоставив с размерами грота, выяснил, что работа займет не один десяток лет. Такое обстоятельство совсем не устраивало Суркова. Пригнать в грот шагающий экскаватор он не мог, применить средства малой механизации — казалось неэффективным, тогда он решил просто его взорвать. Дело осталось за малым: найти необходимое количество взрывчатки и осуществить план. Взрывчатку выбирать долго не пришлось. Сурков знал, что кроме каменного угля и масла ничего горючего в Аду нет. Правда, он слышал, что масло получают из нефти, но последняя была на нижних уровнях. Масло же перекачивали сюда по трубопроводам. Куда шли остальные продукты нефтепереработки — Сурков мог только предположить. А вот уголь горел очень плохо, поэтому в печи закачивали сжатый воздух, обогащенный кислородом, чтобы поддерживать горение. Предположив, что он находится на глубине в несколько километров, Сурков пришел к выводу: воздух должен подаваться под давлением в несколько десятков атмосфер. Кислород и масло — соединение весьма взрывоопасное. В какой пропорции и как должно происходить соединение, Сурков не знал, но других составляющих не было, и, начертив камнем на стене грота пару десятков бесполезных схем, Сурков отправился бродить по Аду в поисках компонентов. Оказалось, что магистраль со сжатым воздухом проходит совсем близко, и, если использовать шланг, можно легко подвести сжатый воздух в пещеру. Сурков решил обвалить вход, создав тем самым закрытое пространство. Шланги для подачи воздуха можно было снять с печей. Ночью они все равно не работали. Но вот где взять масло? Маслопровод располагался так далеко, что использовать шланги не было никакой возможности. Носить же масло прямо из пещеры с котлами казалось невыносимо долгим.

Сурков размышлял над решением три ночи. То ли Вялый не смог понять, о чем думал Сурков, то ли Сурков научился думать тихо, но о намеченном взрыве никто не узнал. В конце концов, подкатив к маслопроводу два пустых котла и наполнив один на две трети, Сурков использовал принцип сообщающихся сосудов и шланг для подачи воздуха. Он перекачал половину котла из одного в другой. Дальнейшим замыслом Суркова было поднять один котел над уровнем другого и слить остатки масла, но, сколько он ни пытался оторвать сосуд от земли или даже подтолкнуть под него камень — оказалось совершенно невозможным. В отчаянии Сурков стал возить один котел вокруг другого. Дно гремело о камни, но скользило очень хорошо. Чтобы не заниматься перекачкой, Сурков погромыхал к своей пещере. За ночь он дотащил до входа оба котла, шлангом слил масло, образовав в глубине пещеры маленькое озерцо. Время наказания приближалось. Он собирался вернуть шланг и взятые котлы на место, но вдруг понял совершенно очевидную истину: шланг для воздуха был испачкан в масле и теперь представлял большую опасность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.